

Камо САРИБЕКОВИЧ ДАЛЛАКЯН

Российский государственный социальный университет

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

„Мы в США все время считали, что СССР – враждебное государство, хотели любой ценой способствовать его развалу, а сейчас, когда это стало фактом, не знаем, что делать”. Это слова „отца американской внешней политики второй половины XX века” Генри Киссинджера (Вигнанский). Ветеран американской геостратегии был искренним в своих словах. Трагедия, которая настигла многие народы и страны, не обошла стороной США. Трагические события 11 сентября 2011 г. наглядный тому пример.

Сегодня мир отнюдь не стал более безопасным, а сложноструктурная система нашего мироустройства продолжает свое амбивалентное развитие в русле глобализации всех сторон международной жизнедеятельности, тем самым сводит к решению совокупных узловых насущных проблем безопасности, как одного из основных стержневых составляющих общечеловеческого организма.

Как бы парадоксальным ни представлялось, на первый взгляд, окончание биполярной конфронтации привело к кардинальным изменениям места и роли фактора военной безопасности политики¹ как на мировом, так и на национальном уровне. Общепланетарные глобализационные характерные позитивные тенденции, в частности, преобладающая демократическая монотипность мирового сообщества, информатизация и развитие коммуникаций, интернационализация мировой экономики, с одной стороны сокращают питательную политико-экономическую и легитимно-легальную среду глобального института войны, в тоже время относительное ослабление угрозы крупномасштабных военных действий в современном мире вовсе не означает, что войны и вооруженное насилие безвозвратно ушли в прошлое. Если в 50-е годы в среднем за год велось 9 войн, к 70-ому этот показатель вырос до 14 (Щипков, 1995: 6), то в 1990-е годы в мире насчитывалось уже 50 крупных вооруженных конфликтов (Маршалл). По информации Канадского центра гуманитарной безопасности (НСС), в войнах, которые проходили в 2003 г. погибло 200 000 человек (Цыганок). По состоянию на начало 2005 года в мире насчитывалось 23 крупных вооруженных конфликта²

¹ Политика – используется (по аналогии с английским *polity*) для обозначения политической единицы любого уровня, т.е. оно используется в качестве родового для таких понятий как „независимая община”, „вождество”, „племя”, „государство”.

² Понятие „крупный вооруженный конфликт” Стокгольмским институтом проблем международного мира (СИПРИ) определяется как продолжительное противоборство между вооруженными силами двух или более правительств или одного правительства и по меньшей мере одной организованной вооруженной группировки, приводящее в результате военных

и еще почти 30 конфликтов, которые при определенном развитии событий могут перейти в стадию войны. Центр международного развития и конфликт-менеджмента³ (CIDCM) при Мэрилендском университете провел исследование, согласно которому 20% стран мира по-прежнему стоят перед угрозой кровопролития (*Вооруженные*).

По данным Уппсальского университета Швеции в 2010 г. в активной фазе находилось 15 крупных вооруженных конфликтов⁴ в 15 регионах по всему миру. За десятилетие с 2001 по 2010 г. в 28 регионах по всему миру было зафиксировано 29 крупных вооруженных конфликтов (*Ежегодник*, 2011: 65).

Международное сообщество не смогло способствовать дальнейшему уменьшению количества войн. В последнее 4–5 лет ежегодно в мире возникает от 30–32 очагов вооруженного конфликта. А многих регионах, где военные действия прекратились, создалась хрупкая обстановка скорее перемирия, нежели прочного мира. Просто из активной вооруженной стадии конфликт перешел на „тлеющую”.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что вторжение в систему мировой политики новых демилитаризованных, нетрадиционных акторов – неправительственных организаций, финансовых фирм, мультинациональных корпораций, частных групп, демографических потоков и индивидов, не привело к исчезновению реальной или воображаемой угрозы военной безопасности, и проблема военной безопасности приобретает первостепенную важность и актуальность. Впрочем можно ожидать, что в долгосрочной перспективе общий уровень насилия будет снижаться, но такое снижение будет носить асимптотический характер: снижаясь, уровень насилия никогда не достигнет нуля, ибо полное искоренение организованного насилия из жизни человеческого сообщества невозможно (напр.: Кременюк, 2004). Это означает, что многие из инструментов системы «сдержек и противовесов», которые имеются у международного сообщества, не являются гарантом мира и стабильного развития, непригодны или не очень подходят для урегулирования конфликтов на разных его этапах. Поэтому общество всегда будет нуждаться в тех или иных механизмах защиты от насилия. В этих условиях интересы национальной безопасности требуют неослабного внимания к такой сфере государственной политики, как политика обеспечения военной безопасности.

Процесс обеспечения военной безопасности реализует диалектическую взаимосвязь политики и военной деятельности, выражающуюся в том, что современные национальные государства в политической системе создают специальные органы для управления и координации военной организации, ориентированных

действий к гибели не менее 1000 человек за все время конфликта, и в котором непримиримые противоречия касаются управления и (или) территории.

³ Center for International Development and Conflict Management (CIDCM) is an interdisciplinary research center at the University of Maryland.

⁴ Понятие „крупный вооруженный конфликт” в рамках Уппсальской программы данных о конфликтах (УПДК) понимается такая борьба между вооруженными силами двух сторон (по крайней мере, одна из которых является правительством какого-либо государства) за установление контроля над государственной властью и/или территорией, в ходе которой на поле боя в течение календарного года погибло не менее 1000 человек.

на нейтрализацию, как внутренних угроз, так и внешних источников опасности. В политике находится центр согласования общественно значимых интересов и принятия решений, предельно четко определяющих сущность и содержание военной организации общества, всей последующей деятельности по обеспечению военной безопасности.

Военная безопасность как институциональная политико-правовая категория является важнейшим функционально-структурным элементом в системе национальной безопасности, причем ее сущностной и наиболее общей частью, и как показывают тенденции регионального и глобального развития, еще длительное время будет занимать центральное место.

Любое государство претендует на то, что бы называться демократическим, а власть, заинтересованная в укреплении своей легитимности и завоевании лояльности масс. Вследствие этого проблема военной безопасности является одной из приоритетных в деятельности институтов государства, в связи с чем необходима более подробная разработка отраслевой политики, направленной на обеспечение военной безопасности (Останков, 2007). При этом для масс важно предельно четко осознавать, какое место занимает личная безопасность и безопасность общества в системе военной безопасности государства.

Таким образом, подходим к необходимости определения объекта и предмета политики обеспечения военной безопасности как принципиально нового научного концепта. Например, „чистом виде” военная политика ли является объектом изучения политики обеспечения военной безопасности или действия государственной власти в военной сфере? А может быть объектом политики обеспечения военной безопасности является более современное явление и категория – военная безопасность общества, где общество по своему социальному контуру охватывает гражданское общество? Есть ли военно-политические явления и процессы или все таки нужно изучать политические процессы во взаимосвязи с подготовкой, содержанием и использованием средств вооруженного насилия? Какова диалектика этой взаимосвязи и что первично в их взаимоотношениях? Что является предметом политики обеспечения военной безопасности – определенное действия политической власти и других институтов общества, и можно ли в целом эти действия назвать политикой по обеспечению военной безопасности? Или же предметом политики обеспечения военной безопасности является изучение ее узкополитической природы?

Как известно, большинство социально-гуманитарных дисциплин в научном анализе традиционно исходит из известного гносеологического различия между *объектом* исследований (область изучаемых явлений) и *предметом* исследований (особой содержательной черты, того или иного аспекта соответствующего типа явлений). В политических же науках и, в частности, в военной политологии подобное традиционное разделение имеет существенные особенности. Во-первых, политика, как определенная область соответствующих явлений обладает способностью „проникновения” в «неполитические» сферы социетальной системы, включения в свои границы разнообразных фрагментов различных сфер общественной жизни – экономической, правовой, этнической, экологической, конфессиональной и др. В силу этого приобретающие политическое составля-

ющие социальные институты и отношения включаются в содержание объекта политических исследований, что объясняет необходимость одновременно привлекать и „смежные” дисциплины, несущих на себе отпечаток политического знания. Например, политические аспекты этнических отношений, становясь составной частью политики, в то же время придают этнополитологии статус «смежной» политической дисциплины. Во-вторых, всегда можно добавить еще один фрагмент сферы общества в связи с появлением новых политических феноменов и структур, что обеспечивает как бы открытость объектной сферы самого познавательного процесса.

Таким образом, проблема определения объекта политики обеспечения военной безопасности представляется несколько иначе и не всегда поддается четкому эмпирическому разграничению, а любое выстраивание познавательной системы, как некий эклектичный набор различных теоретических установок, скорее затуманивает проблему, чем проясняет ее. Вместо теоретического поиска имманентных связей и объяснительных моделей глубинных механизмов и зависимостей на передний план выходит задача максимально досконального и многостороннего описания различных аспектов и явлений военно-политической жизни, что, при отсутствии интегральной концепции⁵, неминуемо приводит к описательному диспуту, схоластике и спекулятивности метафизического философствования.

В тоже время, как показывают многочисленные научные-публицистические дискуссии, проблема предмета познания в политических науках решается отнюдь не просто (Соловьев 2000, 10) (если вообще решается) и, как правило, поиски академической идентичности не приводят к ситуации полного единодушия (что, однако, не мешает успешного развития научного познания). Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, говоря о предмете политической науки, мы обычно пытаемся определить сферу изучаемых явлений, характер решаемых задач, особенности используемых методов, в итоге – сформулировать некоторое множество нормативов, которые задают границы данной научной области. Между тем, при попытке определения предмета научного познания, мы должны осознавать, что стремление к максимальной строгости и точности формулировок отнюдь не способствует пониманию реального механизма философского функционирования политической науки, а фрагментарный анализ этого механизма, в свою очередь, противоречит точному заданию предметных границ. Во-вторых, с точки зрения научного познания объект и предмет исследования как категории научного процесса взаимодействуют и соотносятся между собой как целое и часть, общее и частное. В широком смысле познаваемый предмет – стороны, признаки и отношения объекта политической науки, которые анализируются. Однако, поскольку пределы политического пространства постоянно изменяются и объект политологии не определен, постольку остается неустойчиво и предметное его поле. В-третьих, аристотелевская классификаторская логика сущность предмета определяет через алгоритм родового понятия и видового отличия, в то же время логическое рассуждение приводит к тому, что родовое

⁵ Интегральная концепция – такого рода концепция, которая состоит неразрывно связанных между собой взглядов.

понятие и видовое отличие можно рассматривать как существенные признаки объекта, ибо предмет связан с одним из многих аспектов познаваемого объекта, предполагая познание лишь какой-либо определенной, специфической группы связей, механизмов и закономерностей. Таким образом, в интегративном подходе к определению предмета происходит подмена тезиса, когда предмет в политической науке попросту заменяется ее объектом (Дегтярев, 1998: 12). Аналогичное внешне парадоксальное положение было выдвинуто Гегелем в его вызывающем диссертационном тезисе „Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия есть критерий заблуждения” (Гегель, 1970: 265). Внутрисистемный конфликт является неременным условием развития и его отсутствие – признак смерти системы.

Судя по всему дискуссии об объекте и предмете, как правило, не приводят к ситуации полного единодушия и не могут быть использованы для решения вопроса о тождестве научного понятия. Между тем каждое теоретическое построение, будь то научный концепт, стратегия национальной безопасности или военная доктрина, по аналогии математики, в своем основании имеет ряд допущений, принимаемых как недоказываемые, порою недоказуемые аксиомы. Они выступают начальными параметрами, исходя из которых по определенным логическо-методологическим принципам и правилам выстраивается вся дальнейшая систематизация идей.

Для исследования первичным является познаваемый объект – избранный в результате сепаративного⁶ взгляда познающим субъектом фрагмент реальности и в первом приближений кажется, что сама военная политика, во всем многообразии, должна быть объектом новой теоретической постановки. Между тем, более пристальный взгляд опровергает это утверждение по целому ряду причин.

Во-первых, военная политика являлась и является в настоящее время, как классифицирует политологический словарь, „составной частью общегосударственной политики, относящейся к организации и применению средств вооружённого насилия для достижения политических целей” (*Политологический*, 1994). Естественно, в содержании военной политики преобладают неополитические (военные) аспекты, в то же время кроме военной составляющей общая государственная политика использует немалое количество других «невоенных» целей, способов, форм и методов, направленных на обеспечение военной безопасности.

Во-вторых, все чаще военные вовлечены в так называемые „операции невоенного типа”⁷, поскольку наиболее подходящим инструментом для урегулирования кризисных ситуаций (гуманитарных, спасательных и др.) оказывается именно армия, с учетом дисциплинированности, обладания потенциалом огромной принудительной мощи, жесткой иерархии и достаточно высокой мобильности и демонстративной готовности ряда ее компонентов. Очевидно, что с одной стороны армия непосредственно реализует цели и задачи военной политики

⁶ Частного, индивидуального.

⁷ В тоже время отличительной чертой наших дней становится то, что для непосредственного вооруженного насилия армия используется все реже.

(Общая, 1997: 156), с другой – на принятие решения о подобном применении армии довлеют соображения сугубо «невоенного» политического характера (Степанова, 2001: 43–44) и составляет часть общегосударственной политики по обеспечению военной безопасности страны.

В-третьих, военная политика является искусством разрешения общественно-политических, экономических, идеологических, а также этнонациональных, (этно)религиозных, территориальных и др. противоречий между нациями, народами и социальными группами средствами вооруженного насилия. А раз к вооруженному насилию приводят различные социальные противоречия, то, видимо, нужно в первую очередь, изучать их природу. Следовательно, структурно-функциональная сторона политической составляющей (политическая система и политическая власть, как основные регуляторы общественных отношений), с научно-практической точки зрения перспективно более важна для нового концепта, чем сама военная политика.

В-четвертых, военная политика является имманентным продолжением политических отношений, в первую очередь, в сфере геополитики, проведением их другими (насильственными) средствами и как следствие – военное насилие соразмерим с реальной возможностью военного потенциала государства. Между тем внешняя политика государства во многих областях (культурной, духовной и пр.) не сопрягается с военной составляющей.

В-пятых, цели и задачи военной политики реализует специальная организация вооруженных людей – армия. Однако, в целом как инструмент политики, армия является одновременно политическим (так как создается, содержится и используется исключительно руководством государства) и общественным институтом. Кроме всего прочего армия выступала и выступает той силой, которая гарантирует стабильность сформировавшегося конституционного строя. Таким образом, отчетливо выделяется примат государственной политики над войной политикой (см. более подробно: *Военная*).

В-шестых, военная политика и политика государства по обеспечению военной безопасности однопорядковые, но отнюдь не равнозначные понятия. Военная политика – это искусство управления военной деятельностью, и, как правило, является монопольным правом государства на разработку и реализацию политики, относящейся к организации, планированию и применению средств вооруженного насилия для обеспечения национальной, региональной и международной безопасности в их неразрывном единстве. Взаимосвязь заключается в том, что политика обеспечения военной безопасности создает необходимые предпосылки и условия для осуществления эффективной и благополучной военной политики. Очевидно, что военная политика во многом зависит от политики обеспечения военной безопасности.

В-седьмых, в современном мире обеспечение военной безопасности национальных государств может быть реализована в системе коллективной безопасности, где главными элементами является наличие группы государств, объединенных общей целью (защита своей безопасности), и система военно-политических мер, направленных против потенциального противника или вероятного агрессора. В тоже время процесс формирования однополюсного мира содержит в себе

латентные опасности, которые все еще не полностью изучены. В частности ведущей державой в создании единого мирового полюса выступает Соединенные Штаты. Источником ее силы служит едва ли не вся мировая экономика и ресурсы: регулирующая функция в мировой денежно-валютной системе и международной торговле, разветвленная разведывательная сеть и т.д. Все это открывают перед США перспективу навязывания своей воли другим нациям.

Мы не ставим перед собой задачу добавить еще одну формулировку к множеству уже существующих и ограничимся определением военной политики как деятельности институтов государственной власти, основанная на определенной системе взглядов и идей, сложившихся социально-политических отношениях в обществе и мире, непосредственно связанная с созданием и легитимным использованием средств вооруженного насилия для достижения коренных государственных или классовых интересов.

Базисными понятиями, детерминантами, императивно определяющими объект данного концепта являются категории военная безопасность и политика, точнее не сама политика в ее общесоциологическом плане, а та ее часть, которая непосредственно связана с созданием и использованием военной силы как фактора политики.

В рамках данной статьи мы целиком и полностью соглашаемся с учеными из Военного университета РФ, которые определяют военную безопасность как „...такое состояние государства и общества, военной мощи страны, при котором они способны надежно обеспечить ее защищенность от военных опасностей и угроз: отразить попытки военно-политического диктата и агрессии; предотвратить или пресечь действия внутренних и внешних деструктивных сил с целью нанести ущерб военными средствами национальным интересам и ценностям” (Мельков, 2006: 9).

Таким образом, смело можно выдвинуть гипотезу о том, что объектом политики обеспечения военной безопасности может быть деятельность политической власти и социальных институтов направленной к обеспечению военной безопасности общества – именно не сама военная безопасность, а процесс ее властно-политического и общесоциального обеспечения.

Рамочная трактовка науки в его деятельностном аспекте, согласно которой любой научный концепт это познавательная структурно-развитая организованная форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области научного познания, характеризует качественную определенность предметной части данного концепта. Без предмета, как замечал еще Гегель, не может быть и самой науки. В философии науки, говоря о предмете, мы обычно пытаемся максимально определенно сформулировать некоторое множество нормативов, которые задают его границы. В таком понимании предмет политики обеспечения военной безопасности мы представляем как организованную структурированную систему знаний о внутренних и международных условиях и факторах, которые нейтрализуют или исключают возможность нанесения ущерба личности, обществу, государству, коалиции государств военным путем, средствами вооруженного насилия.

Библиография

- Вигнанский М., *Эдуард Шеварднадзе: лидеры СССР сделали все, чтобы разрушить Союз*, <http://ria.ru/interview/20110331/359544488.html>, 23.06.2013.
- Военная политология: Учебное пособие* (2000), (ред.) В. М. Шевцов, Москва.
- Вооруженные конфликты в мире пошли на убыль*, <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2005-06-03-voa3/619350.html>, 23.06.2013.
- Гегель Г. В. Ф. (1970), *Работы разных лет*, Т. 1, Москва.
- Дегтярев А. А. (1998), *Основы политической теории: Учебное пособие*, Москва.
- Ежегодник СИПРИ 2011: Вооружения, разоружение и международная безопасность*, Приложение 2А: *Модели крупных вооруженных конфликтов, 2001–2010 гг.* Лотта Темнер и Петер Валленстин (Упсальская программа по данным о конфликтах (УПДК), отдел исследований проблем мира и конфликтов, Упсальский университет) I. Глобальные тенденции, Москва, ИМЭМО РАН 2012.
- Кременюк В. (2004), *Насилие и ненасилие в „империи мировой демократии”*, „Международные процессы” Том 2, № 1 (4).
- Маршалл Д., *Парадигма вооруженного конфликта*, интервью с: П. Валленстин, http://www.kontinent.org/article_rus_46f40eb3a7e3e.html, 23.06.2013.
- Мельков С. А. (2006), *Идет война политическая, а не священная*, „Военно-промышленный курьер”, № 39.
- Общая и прикладная политология: Учебное пособие* (1997), под общей ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова, МГСУ; Изд-во „Союз”, Москва.
- Останков В. И. (2007), *Военная безопасность России в начале XXI столетия*, Вече, Москва.
- Политологический словарь*, в 2 частях, ч. 1, РАУ при Правительстве России, Москва 1994.
- Соловьев А. И. (2000), *Политология: Политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов*, Москва.
- Степанова Е. А. (2001), *Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа*, Москва.
- Цыганок А., *Новая-старая война в Африке*, <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Novaya-staraa-vojna-v-Afrike>, 23.06.2013.
- Щипков В. А. (1996), *Введение в военную конфликтологию*, Москва.

РЕЗЮМЕ

После окончания эры биполярной конфронтации мир не стал более безопасным. Глобализационные тенденции сокращают питательную среду института войны, однако войны и вооруженное насилие ушли в прошлое. К сожалению уровень насилия никогда не достигнет нуля, ибо полное искоренение организованного насилия из жизни человеческого сообщества невозможно. В этих условиях интересы безопасности национальных государств требуют неослабного внимания к такой сфере государственной политики, как политика обеспечения военной безопасности. Статья представляется как новая теоретическая постановка политики обеспечения военной безопасности.

POLITYKA ZAPEWNIENIA BEZPIECZEŃSTWA MILITARNEGO**STRESZCZENIE**

Po zakończeniu ery dwubiegunowej konfrontacji, świat nie stał się bynajmniej bezpieczniejszy. Poziom przemocy nigdy nie osiągnie zera, gdyż całkowite wykorzenienie zorganizowanej przemocy z życia społeczeństwa jest niemożliwe. W tych okolicznościach, interesy bezpieczeństwa państw narodowych wymagają nieustannego zaangażowania w tym obszarze polityki państwowej, jaką jest polityka zapewnienia bezpieczeństwa militarnego. Artykuł stanowi nowe, teoretyczne ujęcie polityki zapewnienia bezpieczeństwa militarnego.

